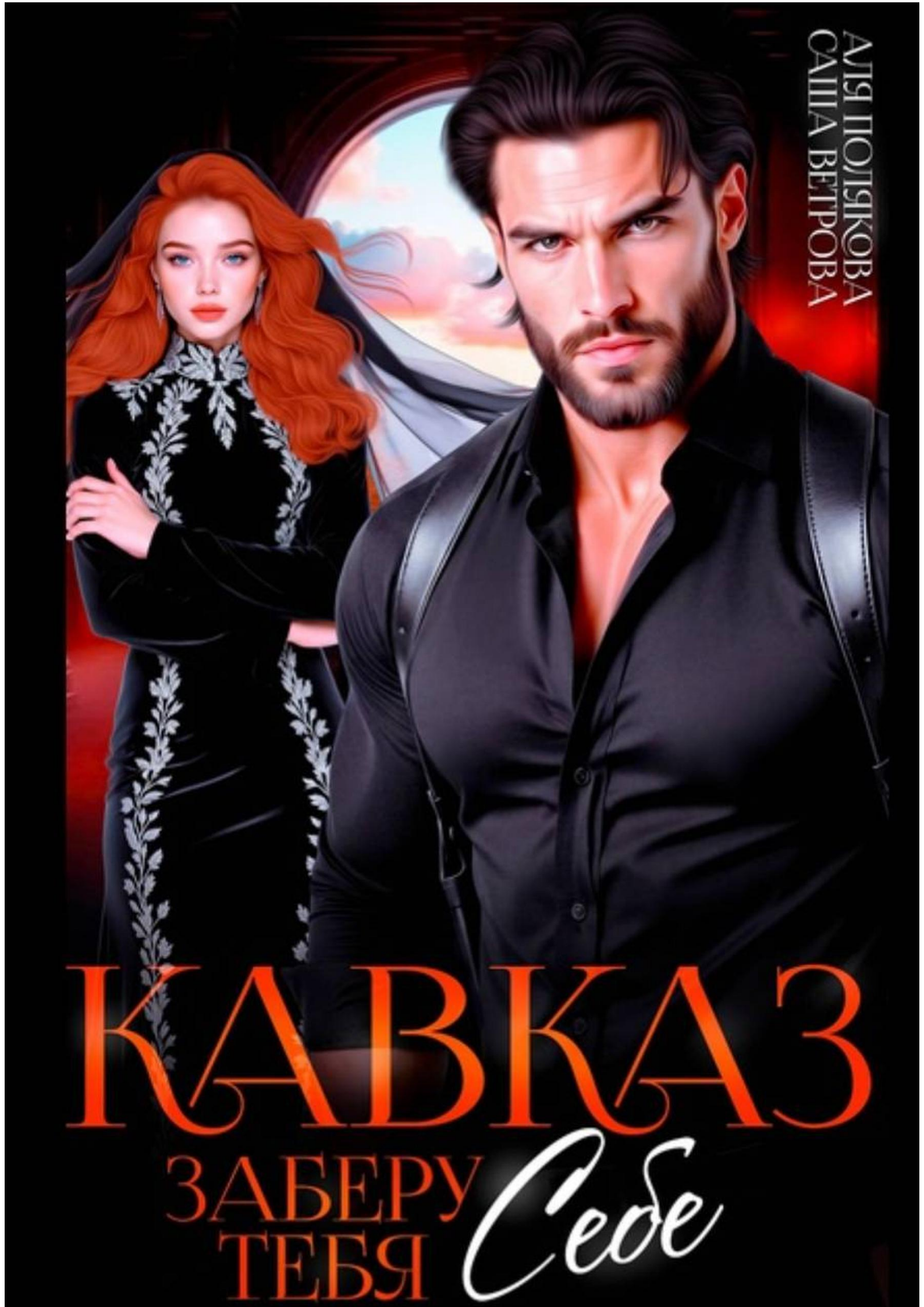

Аля Полякова
Саша Ветрова
КАВКАЗ
ЗАБЕРУ ТЕБЯ
Себе

Аля Полякова

Заберу тебя себе. Кавказ

«Автор»
«Автор»
2026

Полякова А.

Заберу тебя себе. Кавказ / А. Полякова — «Автор», «Автор», 2026

— Знаешь, зачем я здесь?Я судорожно сглатываю..— Ты пришел мстить. За своего дядю.Саид усмехается.— За Азиза? — переспрашивает, иронично приподняв бровь. — Азиз был старым дураком. Мне нет дела, до того кто убрал его.— Я не убивала его, — выдыхаю я.— Мне плевать, убивала ты его или нет.— Тогда зачем— У тебя два варианта, Эмилия, — чеканит он каждое слово. — Первый. Ты останешься здесь. После суда, который вряд ли будет объективным, следствие отправит тебя на зону, а потом и на тот свет. Тебя никто не вытащит. Второй вариант, — продолжает Саид, и в голосе появляются стальные нотки. — Ты уходишь со мной прямо сейчас.Два года назад я отказалась выйти замуж за Саида Бикбаева, а теперь сижу в тюрьме за преступление, которого не совершала. И сделка с Саидом — мой единственный шанс на спасение. Только ему больше не нужна жена, теперь он хочет сделать меня своей любовницей.Альтернативный Кавказ! Сказка о любви!

© Полякова А., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Аля Полякова
Заберу тебя себе. Кавказ

Глава 1

Цок. Цок. Цок.

Сначала я думаю, что это продолжение моего кошмарного сна, но звук нарастает: становится отчетливее, увереннее, реальнее.

Кто-то идет по бетонному коридору прямо к моей одиночной камере, где я в болезненной полудреме сижу на холодной лавке.

Распахнув глаза, крепче стискиваю руками колени, чувствуя как беснуется в груди сердце.

Шаги останавливаются за дверью. На пару секунд становится тихо, а потом раздается металлический лязг, от которого я внутренне сжимаюсь. Засовы скрежещут, ключ поворачивается с противным хрустом и, наконец, распахивается дверь.

Тусклый желтый свет обрисовывает контуры мужской фигуры, которая заслоняет собой весь проем. Человек делает шаг внутрь. Дверь остается открытой, но за ней впервые нет охранника.

— Здравствуй, Эмилия, — бросает человек жестко.

Голос у него низкий, бархатный, но режет, как лезвие. Он просто произнес мое имя, а я ощущаю, как по коже бегут мурашки.

Молчу. Только рваное дыхание с хрипом вырывается из груди.

Он подходит ближе, опускается на корточки, так что наши глаза оказываются на одном уровне.

Мне приходится несколько раз моргнуть, чтобы убедиться, что человек, который сидит передо мной — не плод моего воображения.

И даже после этого трудно поверить в происходящее, потому что в моей камере с видом хозяина этой жизни появился *он*. *Саид Бикбаев.*Племянник жениха, в смерти которого меня обвиняют. Тот неповторимый мужчина, которого я отвергла три года назад, даже не подозревая, как горько об этом впоследствии пожалею.

— Знаешь, зачем я здесь? — спрашивает он.

Я судорожно сглатываю. Мой голос — жалкий сорванный шепот.

— Ты пришел мстить. За своего дядю.

Саид усмехается. Коротко, сухо, без намека на веселье.

— За Азиза? — переспрашивает, иронично приподняв бровь. — Думаешь, мне есть дело до Азиза?

Азиза Бикбаева я видела лишь дважды. И оба раза горько плакала.

Первый раз — когда двоюродный брат привел его в мой дом и сказал коротко: "Знакомься, Эмилия, это твой будущий муж". Второй раз — на посмертном снимке, который в меня кинул следователь, прежде чем выдвинуть против меня официальные обвинения в преднамеренном убийстве.

— Тогда зачем ты здесь? — выдавливаю тихо.

Прежде чем ответить, Саид поднимается на ноги и отходит от меня к маленькому окну под потолком. В тесном пространстве камеры он кажется огромным — запредельно высоким, широкоплечим, могучим. Темная рубашка сидит как влитая, верхняя пуговица расстегнута, открывая смуглую, мускулистую шею. Свет падает на его лицо — резкое, даже хищное. У

него острые скулы, прямой нос и волевой подбородок. А глаза… Черные, бездонные, даже устрашающие — они смотрят на меня без капли тепла и сожаления.

Невольно я вжимаюсь спиной в стену. Бетон ледяной, обжигает лопатки даже сквозь ткань толстовки.

— Азиз был старым дураком, — говорит Саид спокойно, почти лениво. — Да, он мой дядя, и я должен быть зол. Но знаешь, Эмилия, я скорее поблагодарю того, кто его убрал, чем стану мстить.

Я не верю своим ушам. Но несмотря на его слова, страх не отпускает — напротив, он становится густым и липким, заставляя меня ежится. Потому что… Если Саид пришел сюда не за кровной местью, то чего тогда он хочет?

— Я не убивала его, — выдыхаю я, с трудом находя в себе силы говорить.

Цепкий мужской взгляд медленно скользит по моему лицу. Я представляю, что Саид сейчас видит: искусанные в кровь губы, огромные, испуганные глаза, спутанные волосы, упавшие на плечи. А ведь в нашу последнюю встречу два года назад я была королевой, которая играючи отвергла его ухаживания. Вздорной, дерзкой, самоуверенной…

Та гордая девчонка умерла вместе с отцом.

— Мне плевать, убивала ты его или нет.

— Тогда зачем?.. — повторяю я.

Саид подходит ко мне вплотную, и мне приходится запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо. Он нависает надо мной как опасный зверь, готовый к атаке.

— У тебя два варианта, Эмилия, — чеканит он каждое слово. — Первый. Ты останешься здесь. После суда, который вряд ли будет объективным, следствие отправит тебя на зону, а потом и на тот свет. Тебя никто не вытащит. Отца нет. А твои родственники уже доказали свою состоятельность, продав тебя Азизу. Ради того, чтобы помочь тебе, они не пошевелят и пальцем.

Меня мутит от его слов. Мутит, потому что он говорит правду, такую же холодную и отвратительную, как обшарпанный бетон под нашими ногами.

Отец бы никогда такого не допустил. Но мой отец мертв. И мысль о нем обжигает горло, как кислота.

Долгое время папа был негласным королем нашего региона — его уважали и боялись. А я считалась самой завидной невестой, жениться на которой стремились все холостяки диаспоры. Вопреки традициям, отец обещал мне, что я смогу сама выбрать мужа… Не по долгу, не по расчету, а по любви. Кто бы знал тогда, как все обернется.

Прошло всего несколько лет, а фамилия нашей семьи смешана с грязью, отца нет в живых, а я скорее всего сяду в тюрьму за убийство, которое не совершала. Хотя… Наверное, если бы двоюродный брат действительно насильно выдал меня замуж за пятидесятилетнего Азиза Бикбаева и тот стал бы тянуть ко мне свои толстые пальцы и сальные губы… Бррр.

Но я его не убивала! Я просто до последнего надеялась, что мне удастся избежать брака с ним. А теперь я сижу в сизо, ожидая приговора...

— Второй вариант, — продолжает Саид, и в голосе появляются стальные нотки. — Ты уходишь со мной прямо сейчас.

— Что? — выдыхаю я недоверчиво.

— Ты слышала, — говорит он. — Я вытащу тебя отсюда.

— А что взамен?

Он улыбается, но от этой улыбки мне становится жутко.

— Умная девочка, — произносит он обманчиво мягко. — Взамен я получу тебя. В свое полное распоряжение. Ты будешь свободна от обвинений и той жизни, которая ждала бы тебя в тюрьме, но твоя свобода будет принадлежать мне.

Я растерянно смотрю в его глаза, которые затягивают меня словно черные дыры. В них нет жалости и сострадания. Только стальная воля, затаенная обида и темное желание обладать мной. Как вещью.

— В каком качестве? — шепчу я.

— В качестве моей любовницы, разумеется, — усмехается он. — Ты же не ожидала, что я повторю предложение, озвученное два года назад?

Два года назад он предлагал мне руку и сердце. Статус жены. Надежду на будущее. А теперь хочет, чтобы я согревала его постель и не больше…

Я закрываю глаза, мысленно перебирая свои варианты. Саид предлагает мне мнимую, но все же свободу…

Только кажется, что цена этой свободы страшнее темницы.

Глава 2

Я чувствую, как в груди бешено колотится сердце, словно пытается вырваться из реберной клетки.

Саид терпеливо смотрит на меня сверху вниз, ожидая ответа с таким видом, словно ничуть не сомневается в том, что я выберу. Еще бы. Он предоставил мне выбор без выбора и уверен, что я соглашусь. Этот человек привык получать все что хочет по щелчку пальцев, именно поэтому я отказалась от брака с ним два года назад. Он бы еще тогда посадил меня в клетку, а я так мечтала о свободе…

И даже сейчас во мне все еще теплится что-то, что не позволяет мне безропотно сдаться и упасть на самое дно. Гордость? Глупость? Или просто усталость от того, что меня все время продают, покупают, передают из рук в руки?

Я не собираюсь опять быть чьей-то игрушкой.

— Нет, — произношу с твердостью, которую сама от себя не ожидаю.

Саид приподнимает брови — это едва заметное выражение удивления, но я его улавливаю ровно перед тем, как его лицо вновь превращается в жесткую нечитаемую маску. Он не моргая смотрит на меня, пригвождая взглядом к стене, заставляя все мои внутренность сжиматься в тугой комок от ужаса.

Он не дождется от меня слабости! Я приподнимаю подбородок выше, сжимаю губы и выдерживаю его взгляд.

— Что ты сказала? — переспрашивает вкрадчиво.

— Я сказала тебе “нет”, — я смотрю прямо на него, собрав крупицы смелости, которые еще у меня остались, хотя внутри все испуганно дрожит. — Я не буду твоей любовницей, Саид. Я не вещь. Я лучше сгнию здесь, чем продам себя тебе.

Он не отвечает на мой выпад так долго, что я успеваю подумать, что сейчас он взорвется, ударит меня и прикажет охране заковать в цепи. Или, что еще хуже, вытащит силой из камеры и сделает с моим телом все, что захочет.

Однако спустя пару минут Саид медленно выпрямляется, поправляет манжет рубашки и равнодушно, почти скучающе пожимает плечами.

— Твое дело, — ровно произносит он. Причем, в его голосе нет ни злости, ни разочарования. — Оставайся здесь. Приятное местечко.

Он разворачивается и уверенно идет к выходу из камеры. Я смотрю на его широкую спину, обтянутую черной тканью рубашки, заламывая пальцы рук.

Всевышний…

Сейчас он уйдет, а я опять буду совсем одна в темноте и сырости ожидать свою горькую участь обвиняемой в тяжелейшем преступлении.

У самой двери Саид останавливается и, не оборачиваясь, произносит то от чего мое сердце падает в пятки:

— У тебя есть двенадцать часов на то, чтобы передумать, Эмилия. С моей стороны это жест доброй воли, чтобы потом, когда тебя здесь убьют, я не мучился угрызениями совести.

Дверь с решеткой захлопывается.

Лязгают засовы, проворачивается ключ, и я слышу его шаги — *цок, цок, цок*— удаляющиеся по бетонному коридору. Когда они наконец стихают, тишина вновь становится густой и обволакивающей.

Я выдыхаю.

Обессиленно опускаюсь на свою койку, поворачиваюсь на бок, дрожащими руками обхватываю колени и закрываю глаза. В груди разрастается странное чувство, что я совершила ошибку и без помощи Саида мне здесь не выжить…

Я невиновна, но никому не нужна моя правда, никто не будет ее слушать.

Но я сделала тот выбор, который сделала. Я не предала себя. Я лучше умру, чем стану игрушкой Саида Бикбаева.

Любовницей! Как у него только язык повернулся предложить мне подобное?

Утешаю себя, что поступила правильно.

Эта мысль убаюкивает меня, и я проваливаюсь в тревожный, рваный сон в котором незримой тенью присутствует Саид. Он то вытаскивает меня из горящего дома, то спасает из бурлящих потоков реки, то находит меня в густом белом тумане…

Просыпаюсь от резкого рывка. Кто-то хватает меня за руку и грубо дергает вверх, заставляя встать. Свет режет глаза, я не сразу понимаю, что происходит. Где я? Кто рядом?

— Вставай, красавица, — слышу хриплый незнакомый голос.

Платок с головы съехал, волосы растрепались. Я пытаюсь их пригладить и спрятать, но слышу мерзкий смех.

— Смотри, как прихорашивается. Для нас что ли, красавица? Мы любим, когда на девках поменьше тряпок, так что не старайся.

Я хлопаю глазами, пытаясь сфокусировать расплывающееся зрение. Сердце в груди трепыхается навылет. Страшно ужасно.

Я вижу двух конвоиров. Это высокие и плотные мужчины с сальными взглядами от которых мне дурно. Они пялятся на меня, на мои рыжие волосы, на мои ноги. У одного из них, того, что повыше, в руках наручники. Он скалится, когда застегивает один из бластеров на моей руке, а другой на своей.

Меня тянут к выходу. Ничего не остается, как послушаться и идти.

— Куда мы идем? — шепчу я. Голос после сна сиплый, будто мне не принадлежащий. Очень пить хочется, смочить связки. — Зачем?

— Прогуляемся.

Меня ведут по коридору не в сторону камер, а к лестнице наверх, туда, где помещения для допросов. Я там уже бывала и рассказала все, что знаю. Больше мне добавить нечего. Но сотрудники здешнего участка, видимо, так не считают.

Меня вталкивают в грязную и темную комнату с одной лампочкой под потолком. За столом сидит толстый следователь с круглым как блин лицом. У него маленькие глазки, непропорционально пухлые губы, а между толстых пальцев зажата сигарета.

— Сядь, — бросает он, не глядя на меня.

Меня толкают на стул. Наручники застегивают на моих запястьях и прикручивают к металлическому кольцу на столе.

— Начальник, сильно не веселись, нам девчонка понравилась, тоже хотим поиграть, — смеется один из конвоиров.

— Выйдите, — рявкает на них следователь, взмахивая рукой с сигаретой, пепел от нее летит в мою сторону, и я инстинктивно отворачиваю голову, морщась.

Дверь с хлопком закрывается.

Я остаюсь одна с незнакомым мужчиной и сигаретным дымом, который смешивается с кислым запахом моей несвежей одежды.

— Где мой адвокат? — спрашиваю тихо.

Я знаю свои права, но здесь никто не собирается их соблюдать. Как только вырвусь отсюда… *если* вырвусь, сделаю так, чтобы на это место упал метеорит!

— Ваш адвокат? — ухмыляется следователь, лениво затягиваясь. — А нет его. Он в отпуске, на Занзибаре или в Караганде, запамятовал. Так что будем беседовать по-свойски. Не стесняйся, Эмилия. Рассказывай, как ты провернула убийство Азиза.

Я молчу. Насупившись смотрю перед собой, а ноги под столом трясутся так, что мне сложно унять эту дрожь, и пятка то и дело отбивает ритм по полу.

Следователь задает одни и те же вопросы: где я была в ночь убийства Азиза, почему на моих вещах следы крови, кто мне помогал. Я отвечаю одно:

— Я не убивала. Я не знаю. Меня там не было. Я была дома. Спала. Это может подтвердить мой брат, он тоже был дома.

Час, два, три… Пять. Мне не приносят воды. Не предлагают еды. Я хочу в туалет, но, когда я робко прошу об этом, мужчина только ухмыляется и затягивается сигаретой.

— У нас нет женской комнаты, Эмилия. Так что терпи. Чем быстрее расскажешь, как все было и подпишешь признание, тем быстрее отправишься ссать и спать.

Я сглатываю сухим горлом. Голова начинает кружиться, во рту усиливается противный металлический привкус. Низ живота ломит так, что я понимаю — еще чуть-чуть и я схожу под себя.

По взгляду следователя понимаю, что он этого и ждет. Ждет когда я сломаюсь.

— У меня есть право на адвоката, есть право сходить в туалет и получить воду, — говорю я, но голос срывается, становится жалким, молящим. — Это закон, вы его нарушаете.

Следователь громко смеется, а затем медленно поднимается. Обходит стол и останавливается рядом со мной. Я смотрю на свои руки на столе, чувствуя его запах — дешевый табак, перегар, пот.

Меня тошнит.

— Закон? — переспрашивает он. — А ты знаешь, кто здесь закон, Эмилия? Я.

Он замахивается резко и неожиданно. Толстая ладонь врезается мне в щеку с такой силой, что голова откидывается в сторону, и я на мгновение теряю ориентацию в пространстве. Звенит в ушах, во рту появляется привкус крови. У меня разбита губа.

— Никакого адвоката у тебя не будет, — говорит он спокойно, усаживаясь обратно. — Ты подпишешь признание, и дело закроют. Или будешь сидеть здесь, пока не сдохнешь. Я никуда не спешу.

Проходит еще несколько часов. Я теряю счет времени. Меня все также не выводят в туалет, не дают пить, не дают спать. Губы трескаются, язык деревянный, голова раскалывается, моя одежда мокрая от пота….и мочи.

— Кто заказал у тебя Азиза? Или ты сама решила? Зачем? Это из-за денег? Ты сама его убила или тебе кто-то помог?

И так по кругу.

Я уже не слышу слов. Я вижу только одну картину — Саид, стоящий в моей камере. Его хищное лицо, его сильное мужское тело, его обманчиво мягкий голос, который обещал мне выход. Он предлагал мне жизнь. А я…

Следователь снова поднимается со своего места и подходит ближе. Я знаю, что он сейчас снова ударит, или просто плюнет мне в лицо, или уйдет, оставив меня здесь навсегда…

— Позвоните Саиду Бикбаеву.

Следователь замирает как вкопанный. Его маленькие глазки расширяются, потом сужаются. Я вижу как его лицо бледнеет.

— Что? — переспрашивает он.

— Позвоните… Саиду Бикбаеву, — повторяю я, и каждая буква его имени дается мне с болью. — Скажите ему… Скажите ему, что я согласна.

Мужчина смотрит на меня несколько секунд. Затем медленно криво улыбается.

— Ах, вот ты о чем… — тянет он презрительно. — Решила стать подстилкой Бикбаева? Кто тебя потом замуж возьмет, Эмилия? Это конец.

Как будто я останусь жива, чтобы кто-то взял меня замуж, если буду сидеть здесь дальше…

— Позвоните. Саиду. Бикбаеву.

Следователь вынимает телефон из кармана, нажимает кнопку. Я не слышу, что он говорит. Я просто сижу, прикованная к столу, и качаюсь из стороны в сторону. Голова пустая, в ушах звенит.

Через какое-то время — я не знаю, минуты или часы — за дверью раздаются шаги.

Цок. Цок. Цок.

Они приближаются, становятся громче. Я поднимаю голову. Дверь распахивается, и на пороге вырастает уже знакомый темный силуэт. Высокий, широкоплечий, неумолимый.

Саид входит в кабинет. Следователь тут же встает, почтительно протягивает руку.

— Господин Бикбаев, мы как раз…

— Ты ее трогал? — коротко бросает Саид, даже не глядя на него, при этом внимательно рассматривая мое лицо.

— Д… да… Это процедура допроса…

— Расул, — бросает через плечо Саид, и в дверях тут же появляется еще один мужчина. — Убери его отсюда.

Расул манит к себе следователя, тот пятится, растеряв всю смелость и браваду, поэтому шестерке Бикбаева приходится быстро скрутить мужчину и вывести его вон. Дверь закрывается, и мы остаемся вдвоем.

Саид подходит ко мне, почти ласково откидывает с моего плеча растрепанные волнистые волосы и прикасается пальцами к подбородку, заставляя посмотреть на себя.

— Передумала значит? — спрашивает он.

Его вопрос не требует ответа, но я киваю.

— Умница.

Саид наклоняется, быстро и ловко расстегивает наручники. Берет меня за руку, помогает встать. Мои ноги подкашиваются, и я хватаюсь за его плечо, чувствуя твердые мышцы под тканью рубашки и запах его хвойного одеколона. Голова кружится, а ноги совсем ослабели.

— Что теперь? — говорю хрипло.

— Теперь мы едем домой…

Глава 3

Я не помню как мы выходим из допросной.

Помню только как Саид покрывает платком мою голову, как его рука сжимается на моем локте. Еще помню его голос, когда он разговаривал с кем-то по телефону и велел “стереть в порошок эту мразь”, и запах его парфюма, перебивающий тюремную вонь.

Я спотыкаюсь о порог, но Саид не дает мне упасть, просто тянет вперед, как куклу, которой я теперь и являюсь.

На улице меня пронизывает холодный колючий ветер. Моя одежда тонкая и влажная, так что я сразу мерзну. Ежусь и инстинктивно жмусь к большому телу Саида, даже через ткань рубашки ощущая его жар. В другой момент я бы смутилась и отпрянула, но сейчас мне настолько все равно… Ниже падать уже просто некуда.

Черный внедорожник ждет нас у самых ворот. Саид открывает дверцу, и я, опираясь на его руку, забираюсь на заднее сиденье.

В салоне пахнет кожей, свежестью и Саидом. Рядом с ним я понимаю настолько я грязная и безобразная. Мне хочется помыться и переодеться, а еще забыться сном без сновидений, но кажется эта роскошь будет предоставлена мне еще очень не скоро.

Саид Бикбаев купил себе игрушку и теперь везет меня в свой дом, где будет играть.

— Пей, — Саид вкладывает в мои окоченевшие пальцы открытую бутылку воды.

Я с жадностью припадаю к горлышку и собираюсь выпить всю за раз, но Саид вскоре забирает бутылку и качает головой.

— Не спеши. Будет плохо.

Я слушаюсь и откидываюсь на спинку сиденья, блаженно прикрывая глаза.

Мы едем молча, но на каждой кочке я невольно распахиваю глаза и цепляюсь за обивку сиденья. На мужчину рядом стараюсь не смотреть.

Дом Саида оказывается роскошным особняком за каменным забором метра три в высоту и с охраной по периметру.

Внутри меня встречает холодный минимализм: стекло, металл, черный, белый и серые цвета. Ни одной теплой детали, ни одной семейной фотографии на стенах. Такое ощущение, что здесь живет не человек, а робот.

Саид подхватывает меня за локоть, точно так же как недавно делал это на выходе из тюрьмы, и в этом жесте нет ни капли ласки или нежности. Скорее всего у меня останутся синяки на том месте, где сжимаются пальцы Бикбаева.

— Поднимай ноги, — велит Саид.

Он ведет меня по широкой лестнице на второй этаж.

— Здесь ты будешь жить, — бросает он, останавливаясь у двери в конце коридора.

Он открывает ее, и я вижу спальню, выполненную в кремовых оттенках с панорамными окнами в пол. С кроватью, которая кажется слишком большой даже для двух людей. Светлые шторы колышутся, на стене горит бра, а на столике сервирован легкий ужин, при виде которого у меня собирается слюна во рту и урчит в животе.

— В этой комнате? — переспрашиваю я, обводя взглядом пространство и вновь возвращаясь к тарелке с супом, от которого идет пар.

— В этом доме, — повторяет Саид. — Располагайся, поешь и ложись спать. Ванная там, — кивает на дверь в углу. — Вымой волосы. Здесь буду видеть тебя только я и кухарка, поэтому платок носить не обязательно.

— Ты останешься со мной? Сегодня?

Он сказал, что я буду его любовницей… Он спас меня, поэтому я должна предложить ему себя в оплату?

— Сегодня я не буду тебя трахать. Я предпочитаю брать здоровую женщину и наслаждаться ее телом, а не тупо пользоваться безжизненной оболочкой.

— Но…

— Я не собираюсь набрасываться на тебя, как пес на кости, Эмилия! — рычит он, почему-то выходя из себя. — С утра тебя осмотрит врач. А сейчас снимай эти тряпки и иди в ванну. От тебя воняет.

Его слова заставляют меня покраснеть и опустить глаза.

От меня и правда ужасно пахнет. А он мужчина, он должен меня желать, а не жалеть и морщиться в отвращении. Вдруг я его не удовлетворю и тогда Саид вернет меня назад в тюрьму?

Я дрожащими пальцами стаскиваю с головы платок и пытаюсь расстегнуть платье. Тело настолько устало и измотано, что не слушается меня. Я несколько раз ругаясь себе под нос от бессилия, и тогда, видимо потеряв терпение, Саид делает шаг ко мне.

Я пячусь, не желая, чтобы он ко мне прикасался. Но разве это волнует этого мужлана?

Саид рывком разворачивает меня спиной к себе. Откидывает на одно плечо мои рыжие волосы и быстрым, умелым движением, справляется с десятком пуговиц на моей спине.

Платье падает к моим ногам, и я остаюсь перед своим хозяином в одном белье, которое сейчас выглядит ужасно.

Обхватив себя руками и пытаясь спрятаться за водопадом волос, я кошусь на Бикбаева. Когда он уже уйдет? Но когда мой взгляд касается его лица, я вижу на нем такую ярость, что отшатываюсь.

— Тебя кто-то тронул в СИЗО? — спрашивает он сипло.

Его глаза блуждают по моему телу. Он видит синяки на моих ногах, ребрах и руках. Его ладони сжимаются в кулаки, а на челюсти играют желваки.

— Что?

— Кто-то брал тебя как женщину? — рычит Бикбаев, его темные глаза неотрывно смотрят на следы крови у меня на трусах и между бедер.

Я чувствую себя униженной.

— Это… Менструация.

Вздох облегчения скрывается с губ Саида, а затем он резко отворачивается и, больше не говоря ни слова, выходит прочь.

Я делаю шаг к распахнутой двери, чтобы закрыть ее за ним, но замираю.

Замечаю деталь, которая не бросилась мне в глаза сначала, а теперь от которой по спине пробегает холодок.

Замок снаружи.

В груди что-то обрывается и разрастается жгучая и едкая как кислота ненависть.

Я наспех сдергиваю покрывало с кровати и обернувшись в него, вылетаю в коридор.

Саид уже спускается по лестнице, он говорит по телефону. Его спина напряжена, а в голосе звучат металлические нотки.

— Нет, убивать не надо. Привези эту тварь мне… Я разберусь с ним сам.

Этот разговор явно не предназначается для моих ушей, по коже бегут мурашки.

Бикбаев ужасный и опасный человек. Мой отец уважал его, а двоюродный брат боится его власти, но никогда в этом не признается. И я понимаю почему — все в этом мужчине кричит и велит держаться от него подальше. Не перечить ему, играть по его правилам…. Но я, оказывается, еще не настолько сломлена.

Саид почти скрывается внизу, когда я, осмелившись, перевешиваюсь через перила и громко задаю мучающий меня вопрос:

— Ты собираешься запирать меня, как тюремщик?

Он останавливается, медленно поворачивается и смотрит на меня снизу вверх. Кажется, он удивлен.

— Только пока я не решу, можно ли тебе доверять.

Возвращается, поднимается по ступеням, останавливается прямо передо мной. Я чувствую жар его тела и сдерживаю желание отшатнуться. Для этого мне требуется все мое самообладание.

Нужно было сидеть в комнате и не высовываться!

— Ты провела в сизо почти две недели, Эмилия, — говорит Саид так, словно растолковывает самую обыденную вещь несмышленому малышу. — За это время ты могла сговориться с кем угодно. Ты можешь быть пешкой в чужой игре. Я вытащил тебя не для того, чтобы ты вонзила мне нож в спину посреди ночи.

Он заходит мне за спину, и я чувствую его горячее дыхание у своего виска, кутаясь в покрывало, как в безопасный кокон. Однако эта безопасность мнимая, этот мужчина уже видел меня голой, грязной и измученной. Он знает почти все мои секреты. В его глаза я и так пала ниже некуда, ведь он отводит мне роль любовницы, а не жены.

— Дверь будет закрываться на ночь до тех пор, пока я не пойму, что ты — моя. Моя телом, сердцем и помыслами. По-настоящему. Без остатка.

Глава 4

Первые несколько дней в доме Бикбаева проходят как в тумане. Тело требует отдыха, а разум отказывается принимать реальность.

Знаю, что приходил врач. Он взял несколько анализов, осмотрел мои ушибы, а потом долго общался о чем-то с Саидом у двери, так что я не могла разобрать ни слова. Лишь чувствовала темный взгляд Бикбаева на себе, от которого по коже волнами разбегались мурашки.

Вскоре у кровати появилась капельница. Мне вводили что-то внутривенно дважды в день, от чего меня клонило в сон. Протестовать не было сил.

Я послушно спала, просыпалась, снова проваливалась в сон. Кто-то невидимый бесшумно ставил на тумбочку поднос с едой и следил, чтобы рядом всегда была вода.

Лучше мне становится примерно на третий день. Я просыпаюсь от того, что сквозь приоткрытое окно доносится щебет птиц. И просто чувствую в себе достаточно энергии, чтобы двигаться.

На столе как всегда стоит вода, но я остро ощущаю желание выпить кофе. Это желание заставляет меня встать с постели, на нетвердых ногах дойти до ванной комнаты, принять душ и переодеться — в шкафу я нахожу несколько легких платьев и даже джинсы с футболками. Все моего размера.

Я выбираю самое скромное платье, долго раздумываю над тем, стоит ли завязывать платок, но, вспомнив, что сказал Саид, решаю просто накинуть его на плечи. Это было такое крошечное выражение свободы, но даже оно согревает меня изнутри.

Дверь оказывается открытой, вопреки обещанию Бикбаева запирать ее. Впрочем, сейчас день. Наверное, кто-то уже успел открыть ее до того, как я проснулась.

Особняк Саида действительно огромный, мне не показалось в тот первый день, который теперь кажется сном. Спустившись со второго этажа по лестнице, я немного теряюсь, стоя в огромной гостиной, не представляя, куда идти дальше. Но, поддавшись инстинктам, буквально на запах выхожу к кухне.

— Дочка, ты встала? — встречает меня добродушный голос полной женщины лет пятидесяти с теплыми карими глазами. — Врач уже разрешает тебе подниматься? Саид ничего мне не говорил. Я как раз хотела отнести тебе бульон.

— Я… — растерянно хлопаю глазами. — Я не знаю.

Женщина секунду-другую задумчиво разглядывает меня, словно не понимает, что со мной делать, а потом всплескивает руками.

— Я Зулейха, милая. Ну не стой ты истуканом, — она отодвигает для меня стул. — Садись. Совсем худенькая. И бледная, как привидение. Сейчас я налью тебе питательный бульон и…

— А можно мне кофе? — спрашиваю робко.

— Ну, насколько я знаю, никто не запрещал, — улыбается кухарка. — Кофе, значит кофе. Я на оладьи тесто завела. Будешь?

— Буду, — шепчу я.

— Это же просто замечательно!

Зулейха не задает мне вопросов. Она просто делает свое дело — варит мне кофе в турке, печет оладушки. В ее присутствии мне спокойно. Почти как дома, когда еще был жив папа. И че-то напоминает дни в ауле у бабушки. Ее нет с нами уже пару лет и я ужасно скучаю по ее теплу.

— А… А Саида нет дома? — спрашиваю я, закончив с завтраком.

— Саид дома бывает редко, все больше в разъездах и делах. Но с тех пор, как тебя привезли, он уезжает лишь на несколько часов, — она бросает взгляд на настенные часы. — Думаю, к обеду вернется.

Она оказывается права. Бикбаев действительно возвращается к обеду. Он без стука заходит в мою комнату, когда я сижу в кресле у окна, глядя на заросший зеленью сад, и с порога заявляет:

— Зулейха сказала, что тебе лучше.

Я оборачиваюсь, ощутив, как трепетно забилось в груди сердце. Саид стоит у двери, небрежно прислонившись плечом к косяку, и разглядывает меня прищуренными глазами.

— Да. Я… Я спускалась вниз и поела.

— Хорошо, — он кивает.

— Что… — я сглатываю и прочищаю горло, ощущая ужасную неуверенность. — Что мне делать?

— Восстанавливаться. Это то, что тебе сейчас следует делать.

— Я могу… Я могу выходить на улицу?

— Сад в твоем полном распоряжении.

Я робко улыбаюсь, но Саид не отвечает на мою улыбку. Он шумно вздыхает, от чего грудная клетка поднимается, натянув ткань его рубашки, и резко спрашивает:

— Еще вопросы?

Я пожимаю плечами.

— Я видела… Я видела, что на первом этаже есть библиотека. Могу я взять несколько книг?

— Считай этот дом своим домом. Ты можешь ходить куда тебе захочется. И брать все, что захочется. Сад и библиотека в твоем полном распоряжении. А Зулейха позаботится, чтобы ты хорошо питалась.

— Хорошо… — шепчу я.

Стоит ли мне сказать ему "спасибо"?

До того, как я успеваю решить, Саид, нахмурившись, уходит, больше не сказав мне ни слова.

Я его разозлила? Я даже не поняла, чем именно.

Дни сливаются в один монотонный ритм. По утрам я завтракаю на кухне, потом иду на прогулку в сад, где читаю под тенью раскидистого каштана. После обеда я несколько часов сплю. Потом снова гуляю. А вечером сижу в своей спальне, ожидая, что за дверью послышаться тяжелые шаги…

Но Саид не приходит.

Я почти не вижу его все эти дни, хотя он действительно много времени проводит дома, но чаще просто запирается в своем кабинете. Иногда я слышу его голос в гостиной и ощущаю хвойный запах одеколона, когда прохожу мимо его комнаты. И это все. Он не ищет встреч со мной и больше не навещает, будто забыл о моем существовании.

Несмотря на непонятные отношения с Саидом, страх постепенно отпускал меня. Я перестала вздрагивать от каждого шороха, перестала просыпаться от скрипа половиц в коридоре. Синяки проходили, раны переставали болеть… И хотя я знала, что это лишь мнимое спокойствие, психика приспосабливалась. Потому что, бесспорно, в доме Саида мне было лучше, чем в тюрьме.

Где-то на пятый или шестой день моего пребывания здесь, когда я с книгой сижу в саду, на тропинке вдруг появляется девушка.

Она примерно моего возраста — может, чуть старше. Светлые волосы собраны в небрежный хвост, на ней свободные льняные брюки и рубашка, а на губах играет легкая улыбка. Она не выглядит как прислуга, но и как хозяйка этого дома — тоже нет.

Что если… Что если, она — женщина Саида?

— Привет, — произносит она, присаживаясь рядом на скамейку. — Я Инна.

Я растерянно моргаю.

— Ты же Эмилия? — продолжает она. — Расул говорил, что тебе пришлось несладко.

— Расул? — спрашиваю непонимающе. Что вообще происходит?

— Расул — мой брат. Он работает в охране у Саида, — поясняет она. — Ты тут совсем одна, а у меня сейчас как раз свободное время. Так что Саид попросил меня побыть с тобой. Воспринимай меня как компаньона.

Хотя Инна кажется вполне искренней, я смотрю на нее настороженно. После всего, что случилось, я перестала доверять людям как раньше.

— Да ты не волнуйся, я просто посижу с тобой. Что читаешь?

Вместо ответа, я закрыв книгу и показываю ей обложку исторического романа.

— О, я тоже читала! Кстати, у этого автора есть еще одна классная серия про английских королей, — она говорит просто, без фальши. И в ее глазах я не вижу ни осуждения, ни злобы — только тень любопытства и искреннюю симпатию. И все же… Мне сложно так. И я не понимаю, зачем Саид прислал ее ко мне.

— Мне не нужна компаньонка, — произношу я тихо, отворачиваясь. — И подруга тоже не нужна.

— Ну и не надо, — легко соглашается Инна. — Я просто посижу рядом. Можешь делать вид, что меня нет.

На следующий день мы снова встречаемся в саду. Потом Инна остается на обед. Я узнаю, что ее семья была смешанной — мама из республики, а папа был русским. Все жили в столице, но Расул уже два года работал в охране у Саида, а Инна приезжала погостить к брату на пару месяцев летом.

Наверное, именно потому, что она была со стороны — не из нашего круга, я постепенно расслабилась в ее обществе. Мы разговаривали о книгах, о еде, о погоде. Она рассказывала смешные истории из своей жизни, о Москве, о парнях, и иногда я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Впервые за долгое время.

— Ты знаешь, что меня обвиняют в убийстве? — спрашиваю я ее однажды, испытывая ее.

— Знаю, — Инна пожимает плечами.

— И что ты об этом думаешь?

— Я доверяю своему брату, а он бы никогда не отправил меня составить компанию убийце, — произносит она медленно, подбирая слова. — Да и ты не похожа на преступника. Скорее на затравленного котенка.

К исходу первой недели я начинаю чувствовать себя почти человеком.

Синяки побледнели, почти исчезли. Тело окрепло, движения перестали быть скованными. Я больше не вздрагивала от неожиданных звуков — только если они были совсем близко, но даже тогда я училась заставлять себя дышать ровно. Я ела нормально, спала без кошмаров. Врач, навестивший меня в один из дней, был доволен результатами восстановления. Даже Зулейха заметила:

— Ты порозовела и похорошела, дочка. Саид будет доволен.

Я почти поверила, что все налаживается. Что Саид просто оставит меня в покое, даст мне эту странную свободу в золотой клетке, и я смогу жить дальше.

Я ошибалась…

Ровно через неделю, когда я возвращаюсь в свою комнату с очередной прогулки по саду с Инной, надеясь принять душ и немного поспать, я замечаю на кровати большую персиковую коробку с черной атласной лентой. На крышке красуется название дорогого магазина нижнего белья.

Я смотрю на нее, ощущая как воздух в комнате становится плотнее, а сердце ускоряет бег.

Дрожащими пальцами развязываю ленту и понимаю крышку.
Внутри лежит тонкое белье. Прозрачное, с узкими тесемками и откровенными вырезами.
А еще там записка. Плотный картон и одно единственное слово.
“Сегодня”.
Я не дура, и понимаю, что это означает.
Саид решил, что я достаточно окрепла. Он решил, что пришло время забрать свою плату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.